

РОМАНЫ ДОСТОЕВСКОГО

Гр. Прохоров

„Любить—у меня значило тиранствовать и нравственно превосходить... иногда те-перь думаю, что любовь-то и заключается в добровольно-дарованном от любимого предмета праве над ним тиранствовать“.

Достоевский, „Записки из подполья“.

Очевидно, надо было Достоевскому иметь такую больную, изломанную, надрывную психику, а, с другой стороны, такой же больной личный опыт, такое исключительное «бытие», чтобы прийти к такому «жестокости» пониманию любви. «Я надломленный и испорченный судьбою», — писал он А. Г. Достоевской¹⁾.

Прав был биограф Достоевского, Е. Соловьев, когда писал: «В отрицании любви и дружбы, в этом представлении жизни как ненужно жестокой, в этом инквизиторски-мучительском выскивании зла в своей собственной душе, в этом взгляде на деятельность человека прежде всего как на покаяние, я вижу отражение тяжелой, многострадальной жизни, вынавшей на долю великого писателя».

Печатаемые ниже материалы дают нам право утверждать, что понимание любви, как мучительства и муки, как поединка, слагалось у Достоевского, этого великого сердца и величайшего гуманиста, под влиянием его жизненного опыта.

МАРИЯ ДМИТРИЕВНА ИСАЕВА.

В письме к брату Михаилу, от 16 ноября 1845 г., 24-летний Достоевский, между прочим, писал: «Минушки, Кларушки, Мариавны и т. п. похорошели до нельзя, но стоят страшных денег. На-днях Тургенев и Велицкий разобрали меня за беспорядочную жизнь». Через три года после этого

¹⁾ «Письма Ф. М. Достоевского к жене», стр. 11.

письма Достоевский попадает на каторгу в острог, и там, заживо погребенный, мучается четыре года, пока, наконец, не отбывает срока каторги и не определяется рядовым в батальон, стоявший в Семипалатинске. Там он, человек страстный, доходящий до предела, влюбляется в жену одного офицера, М. Д. Исаеву. Через год больного, чахоточного, страшно пившего Исаева переводят в Кузнецк. Провожая страстно, но безнадежно любимую женщину «Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок». Начинается переписка. Достоевский пишет Исаевой «целые тетради», он даже бросил работать над «Записками из Мертвого Дома». Из Кузнецка он получал письма, наполненные жалобами на тяжелое положение, на болезнь мужа, на безотрадное будущее и т. д. Эти письма окончательно выбивали из колеи Достоевского, еще не успевшего оправиться от каторги. Исаев через несколько месяцев после переезда в Кузнецк умирает. Мария Дмитриевна похоронила мужа на чужие деньги, нужда была страшная. Достоевский изыскивает все средства помочь несчастной женщине, им так страстно любимой. У него теперь единственная цель жизни — попечение о ней и ее малолетнем сыне.

Казалось бы, теперь устранено главное препятствие к тому, чтобы Достоевскому соединиться навеки с Марией Дмитриевной, но... она в это время успела влюбиться в Кузнецке в одного молодого человека, в товарища своего мужа, человека пустого и бесцветного. И что же? Достоевский отказывается от личного счастья. Страдая невыразимо от ревности, переживая муки неразделенной любви («трудно перестрадать, сколько я выстрадал»), Достоевский спешит помочь и Марии Дмитриевне и ее возлюбленному, за которого он просит, между прочим, своего друга, барона А. Е. Врангеля: «на коленях готов за него просить. Теперь он мне дороже брата

родного». Вот где, нужно думать, кроется сюжет «Униженных и Оскорбленных», в которых Иван Петрович, влюбленный в Наташу, добровольно помогает своему сопернику.

Через несколько месяцев, в течение которых Достоевский трепетал, чтобы Исаева не вышла замуж, Мария Дмитриевна пишет ему, что она разуверилась в своей новой привязанности, а 1 февраля 1857 г. Достоевский, страдавший, измучившийся, наконец, обвенчался с Марией Дмитриевной. Летом 1859 года Достоевские переехали в Тверь, а в конце того же года Достоевский переселился в Петербург. Мария Дмитриевна осталась, из-за слабости легких, в Твери, а позже переехала в Москву, где и скончалась на руках Достоевского в 1864 году.

Кто же такая Мария Дмитриевна и дала ли она Достоевскому счастье?

В 1921 году за границей вышли воспоминания о Достоевском его дочери Л. Ф. Достоевской. Эти воспоминания были переведены на русский язык¹⁾. В этих воспоминаниях Л. Ф. Достоевская очень нехорошо отзывалась о Марии Дмитриевне. Она говорит, что Исаева вышла за Достоевского по расчету, что «накануне свадьбы она провела ночь у своего возлюбленного», а «в сумерки ходила тайком к своему учителю, последовавшему за ней в Семипалатинск, и обманывала таким образом людей и своего бедного мечтательного супруга». Этот молодой человек следовал за Марией Дмитриевной по пятам в Тверь, и она «на каждой станции оставляла для него спешно написанные любовные записки». Позже, во время одной из сцен, какие Мария Дм. делала своему мужу, «она призналась Достоевскому во всем, рассказала свою любовную историю с молодым учителем со всеми подробностями. С утонченной

¹⁾ «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской». Перевод с немецкого Л. Я. Круковской под редакцией и с предисловием А. Г. Горнофельда.

жестокостью она сообщила моему отцу, как они вместе смеялись и издевались над обманутым мужем... «Женщина, хоть немного уважающая себя, не может любить человека, прошедшего четыре года на каторжных работах в обществе воров и разбойников», — будто бы сказала Мария Дмитриевна своему мужу. Позже Достоевский «весь гнев обманутого мужа излил в своем романе «Вечный муж».

Так пишет Л. Достоевская. Но нужно сказать, что ее воспоминания не только субъективны и часто неверны, но иногда и живо-зловны. Тем не менее в основном, можно думать, она права.

Друзья Достоевского отзывались о Марии Дмитриевне сдержанно. Хорошо знавший Марию Дмитриевну бар. Врангель, остерегавший Достоевского от женитьбы на Марии Дмитриевне, характеризовал ее, как «натуру страстную и экзальтированную»; он думал, что Исаева «ничуть не была влюблена» в Достоевского, что она «не ценила» его, тем более, что считала Достоевского человеком «без будущности»; радости Достоевскому она не дала, так как вечно хворала, капризничала и ревновала; отношения между супругами ему все время представлялись «странными» и «непонятными»; несомненно только одно: те страдания, которые Мария Дмитриевна причиняла Достоевскому, «на долгое время лишили его душевного покоя».

Сам Достоевский, точно намеренно, с целью предупредить возможные нарекания, в письме к Врангелю отзывался о Марии Дмитриевне так: «Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь». Однако, уже самая эта подчеркнутость отзыва вызывает некоторые сомнения в его справедливости, а замечания Врангеля и совсем лишают их достоверности. В этом же письме к Врангелю Достоевский писал: «она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... мы не могли перестать любить друг друга; даже

чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу... Все расскажу вам при свидании...» Свидание состоялось. Оно не разъяснило «странных, мне непонятных и по сию пору взаимных отношений супругов». Одно очевидно, что брак был несчастлив и что он обоим вместо радости и счастья принес только муки и страдания. Очень знаменательны те слова, которые Достоевский сказал Врангелю при этом свидании: «Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая нами женщина. Не следует требовать от нее вечно жить и только думать о вас, — это недостойный эгоизм, который надо уметь побороть».

Так какая-то тяжелая тайна окутала первую любовь Достоевского, не давшую ему радости: чем больше он любил, тем более был несчастлив. Это, действительно, было «роковым слиянием», наложившим определенный отпечаток и на психику Достоевского и на характер его творчества.

П. П. СУСЛОВА.

Мария Дмитриевна еще была жива, как Достоевского захлестнул другой роман, оставивший на нем и на его творчестве след, еще более заметный, чем роман с Марией Дмитриевной.

Дочь Достоевского, в воспоминаниях которой истина перемешана с ложью и правда с выдумками, подчас очень оскорбительными для памяти великого писателя и отца своей любимой дочери, повествует об этом романе с какой-то бульварной развязностью.

По ее словам, Полина Н. была материально обеспеченная девица, которая приехала из провинции в Петербург учиться, но стала «вечной студенткой». Она записалась на лекции в университет, но лекций не посещала, а ходила по квартирам студентов, мешала им заниматься, принимала участие во всех политических манифестациях; не раз ее арестовывали, и за это она среди молодежи пользовалась популярностью, как жертва «ненавистного царизма».

«В это время была в моде свободная любовь. Молодая и красивая Полина усердно не отставала от времени, переходила, служа Венере, от одного студента к другому и думала, что таким образом служит европейской цивилизации».

Так как Достоевский в то время пользовался среди молодежи громадной популярностью, то Полина «поспешила разделить новую страсть студентов». Она написала Достоевскому письмо с объяснением в любви. Достоевский, доверчивый и неопытный, отдался молодому чувству экальтивированной девушки. «Влюбленные решили провести медовый месяц за границей». Полина уехала вперед и в Париже до приезда Достоевского успела влюбиться в одного француза. Но потом француз изменил Полине, и она просила Достоевского приехать к ней, грозя в противном случае покончить с собой. Достоевский приехал, и тогда они вместе отправились в путешествие по Германии и Италии, во время которого Полина непрестанно кокетничала со всеми мужчинами.

Когда Мария Дмитриевна умерла, то Достоевский предложил Полине быть его женой, но последняя предпочла сохранить свою полную свободу красивой девушки. К тому же ей нравились не сам Достоевский, а его литературная слава, а так как Достоевский уже не пользовался прежней популярностью, то Полина и отказала ему. Позже она вышла замуж за одного нашего известного писателя.

Таковы первоначальные сведения о Полине, сообщенные дочерью Достоевской. Последняя, видимо, хочет представить Полину в самом неприглядном свете. Не отрицая того, что Достоевский питал к Полине «истинную страсть», она, однако, тут же замечает: «Мой отец хотел показать себе самому, что и он может обманывать свою жену, вести легкомысленную жизнь других мужчин, играть в любовь и приятно проводить время с красивыми девушками». Что за пошлое объяснение! Какое странное нежелание вникнуть в «страстную натуру»

своего отдал. И это рядом с верным замечанием о том, что образ Полины отразился во многих женских типах Достоевского: в Аглае, в Грушеньке, в Настасье Филипповне.

К счастью, мы в настоящее время располагаем документальными данными о Полине¹⁾, и это дает возможность восстановить правду о ней и очистить от нее, да и от Достоевского, ту грязь, которую так легкомысленно облили их Л. Ф. Достоевская.

Аполлинурия Прокофьевна Суслова — дочь крестьянина, бывшего крепостного, из села Панина, Горбатовского уезда, Нижегородской губернии. Отец ее жил в Петербурге и управлял имениями и делами графа Шереметьева. Позже он — купец, имеющий свою фабрику в Иваново-Вознесенске. Аполлинурия воспитывалась, вероятно, в пансионе. Вместе с своей сестрой — Надеждой, впоследствии первой в России женщиной-врачом, она посещала лекции, не стояла в стороне от тогдашнего освободительного движения, в чем известную роль могло играть и ее демократическое происхождение. Вместе с другими она разделяла увлечение Достоевским. Шестидесятица, она одной из освободительных идей — идее эмансипации женщины отдалась целиком. С этой стороны характерен ее рассказ «Покуда», напечатанный Достоевским в его журнале «Время» за 1861 год. Ко времени напечатания этого рассказа относится, несомненно, и ее личное знакомство с «сияющим» для нее Достоевским. Как натура, с одной стороны, экзальтированная, неуравновешенная, а, с другой, цельная, она вся отдается своей первой любви к Достоевскому и, вероятно, пишет ему то «наивное поэтическое

письмо», о котором упоминает Л. Ф. Достоевская.

Достоевский, сам неуравновешенный и идололюбивый до предела, отдался этой молодой страсти, этой захватывающей любви. Можно думать, что это увлечение, этот роман разыгрался в зиму 1862 — 1863 г.

Дала ли эта экзальтированная любовь радость любовникам? Увы! на этот вопрос приходится отвечать отрицательно. Видимо, Достоевский, действительно, везде доходил до края, переходил за черту, за которой любовь и страсть его становились оскорбительными для молоденькой, 22-летней экзальтированной, идеалистически настроенной девушки, ищущей в любимом «сияющего». А он подходил к ней «по-своему», повидимому, грубо, неосторожно, хотя самому Достоевскому отношения к Сусловой представлялись «приличными». «Ты вел себя», — писала она ему, — «как человек серьезный, занятой, который не забывает и наслаждаться на том основании, что какой-то великий доктор или философ уверял даже, что нужно пьяным напиться раз в месяц». Молодая девушка, отдавшаяся своей захватывающей любви к своему кумиру, конечно не краснеет за свою любовь к нему, но она (как потом писала) «краснела за наши прежние отношения».

Искреннее большое чувство идеалистически настроенной Полины натолкнулось на что-то грубое, жестокое, обидное в большой страсти Достоевского, и этим было уязвлено навсегда. Здесь, повидимому, кроется источник изменчивого отношения Сусловой к Достоевскому: чувство любви, мягкости, теплоты и сердечности сменяется у ней чувством беспричинно вспыхивающей злобы и ненависти.

Летом 1863 г. Достоевский и Суслова решили поехать за границу. Но дела с закрытым, по распоряжению правительства, «Временем» задержали Достоевского. Полина уехала в Париж одна и там, действительно, влюбилась в молодого красивого студента, испанца Сальвадора. Ее мятущую душу, раненую большой, обидной

¹⁾ «Достоевский и Суслова». Статья А. С. Долнина в сборнике «Ф. М. Достоевский». Статьи и материалы. Сборник второй. Издательство «Мысль». 1924 г., стр. 151 — 283.

страстью Достоевского, влекла любовь не-
посредственного человека, который был
тоже в своем роде «сияющий»: он никогда
не лгал. Но—увы!—и он солгал. Он обманул
Суслову. Для нее это становилось ясно ко-
гда-то времени приезда Достоевского в Париж.
А дальше истина и совсем обнажилась,
и страшная правда глянула в лицо Сусло-
вой. И снова перед ней замаячил образ
«сияющего» Достоевского, явившегося пе-
ред нею в роли утешителя: несмотря на
обман, Суслова чуть ли не на всю жизнь
полюбила Сальвадора; она беспокоится
о нем, и Достоевский утешает ее, как
когда-то утешал и Марию Дмитриевну,
влюбленную в красивого учителя. «Какой
я великодушный, благородный», — пишет
Суслова в своем дневнике. — «Какой ум,
«как сердце».

Достоевский предлагает вместе ехать
в Италию, обещая держать себя, «как брат».
Она соглашается. И вот они едут в Ита-
лию. Она, любящая Сальвадора, но и нена-
видящая его (хотела даже убить), прекло-
няющаяся перед «сияющим» Достоевским,
но и не прощающая ему прежнего оскорбле-
ния, особенно теперь, в виду только что
нанесенного Сальвадором; он, страстно лю-
бящий Полину, но лишенный возможности
даже говорить ей о своей страсти и в то
же время расплаемый ее постоянным при-
сутствием, ее близостью; это была уже не
страсть, это было мучительное кипение,
рождающее злобу и ненависть к предмету
своей страсти. Это, действительно, была
трагедия любви, это, действительно, был
«посеинок роковой». И тут Достоевский
мог повторить то, что он говорил о своей
совместной жизни с Марией Дмитриевной:
чем более мы любили, тем более были
несчастливы.

Человек из подполья не выдержал своей
роли утешителя. Не выдержал ее и Досто-
евский. Как видно из дневника Сусловой,
в нем страсть по временам клочкотала, он
задыхался, он грозил и... мучился; тогда
любовь к ней переплеталась в нем с жгу-
тей ненавистью. Теперь уже не подлежит

никакому сомнению, что «Игрок», которого
Достоевский диктовал Анне Григорьевне,
сюжетом своим имеет переживания самого
Достоевского к Полине. И разве не о себе
говорит Достоевский от имени Алексея
Ивановича: «И еще раз теперь я задаю
себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз
не сумел на него ответить, то-есть, лучше
сказать, опять, в сотый раз ответил себе,
что я ее ненавижу. Да, она была мне не-
навидна. Бывали минуты (а именно, ка-
ждый раз при конце наших разговоров), что
я отдал бы полжизни, чтоб задушить ее...
А между тем, клянусь всем, что есть свя-
того, если бы... она, действительно, сказала
мне: «бросьтесь вниз» (с вершины людной
горы), то я бы тотчас бросился, и даже
с наслаждением».

А Полина? Она видит, что Достоевский
мучается, страдает, и это ей доставляет
наслаждение. Она мстит. Мстит, прежде
всего, ему (ведь он первый надругался над
нею), но мстит и всем другим, кто оскорбил
ее. Она пишет в своем дневнике по поводу
Сальвадора. «Я была много раз оскорблена
теми, кого любила, или теми, кто меня
любил, и терпела... но чувство оскорблен-
ного достоинства не умирало никогда...
Я не хочу его убить, потому что это
слишком мало, — я отравлю его медленным
ядом, я отниму у него радости, я его
унижу». И Достоевский прекрасно понимал,
что Полина мучает его из мести; в «Игроке»
Алексей Иванович говорит: «мысль о том,
что я вполне верно и отчетливо сознаю
всю ее недостойность для меня, всю не-
возможность исполнения моих фантазий, —
эта мысль, — я уверен, — доставляет ей
чрезвычайное наслаждение, иначе могла ли
бы она, осторожная и умная, быть со мной
в таких короткостях и отношениях».

Да, Суслова не могла забыть, не могла
простить того, что она уступила в по-
сединке роковой. Уже в 1865 г., когда она
возвратилась в Петербург и часто виделась
с Достоевским, она записывает в свой
дневник следующие слова, сказанные ей
Достоевским: «ты не можешь мне про-

стять, что раз отдалась, и мстишь за это; это женская черта...» «Сегодня был Ф. М. и мы все спорили и противоречили друг другу... Он уже давно предлагает мне руку и сердце и только сердит этим... Говоря о моем характере, он сказал: если ты выйдешь замуж, то на третий же день возненавидишь и бросишь мужа».

В письме к Сусловой, написанном уже после женитьбы на Анне Григорьевне, Достоевский объясняет, почему так строга к мужчинам Сулова. «Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твое не может не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно сияющими или тотчас же поделцами и пошляками». Достоевского Сулова считала сияющим, но он же «первый убил в ней веру», и она «начинает ненавидеть (Достоевского)».

После совместного путешествия по Италии, Достоевский и Сулова разъехались: она возвратилась в Париж, а он в Петербург.

В 1880 г. 40-летняя Сулова выходит замуж за 24-летнего В. В. Розанова, известного писателя и критика. Этот брак, как то видно из писем Розанова к Анне Григорьевне Достоевской, — писем, далеко не беспристрастных, — и ему не дал радости. Розанов жалуется на невыносимый характер Суловой, на «мучительно-фантастические изломы» в ее психике, говорит, что его совместная с нею жизнь была сплошной жертвою. В 1886 году Сулова после одной нелепой сцены бросила Розанова. Последний звал ее вернуться к нему, долго не давал ей отдельного паспорта, но она не вернулась. А когда Розанов нашел вторую жену и стал просить Сулову дать ему развод, то 63-летняя Полина наотрез и злобно отказала в этом.

Такова эта женщина «великого гнева», которой суждено было сыграть в жизни Достоевского такую большую роль и стать прототипом не одного женского образа в его произведениях.

МАРФА БРАУН (ПАНИНА) ¹⁾

К концу 1864 началу 1865 г. относится неразвернувшийся роман Достоевского с Марфой Браун.

Марфа Браун, повидимому, — русская, мещанка, вероятно, некрасивая, с несомненными куртизанскими замашками. «Я всегда, — пишет она в одном письме к Достоевскому, — была того мнения, что жизнь создана для впечатлений, но г. Горский помешался на логике и проповедует мне ее». Погоня за впечатлениями жизни наполнила жизнь Браун чуть ли не скалочными приключениями, «которые», — по ее словам, — «отвлекали ее против воли от ее занятий». Она отправляется на эмигрантском корабле в Англию; там она прожила четыре года, но «непредвиденный случай» заставил ее искать убежища в... Турции. До Турции она, однако, не доехала и была «незаконно схвачена», повидимому, в Вене, откуда прибыла в Россию. В России «не откликается ни один родной голос» этой «всемирной бродяге». А пропутешествовала, пробродила она, действительно, немало. «По Австрии и Пруссии я мчалась вихрем с каким-то венгерцем; потом в течение 7 месяцев с какими-то англичанами искателями приключений с утра до вечера, никогда не зная отдыха, то пешком, то верхом, должна была изездить всю Швейцарию, всю Италию, Испанию и наконец Южную Францию. В Марсели рассталась с ними, очутилась в Гибралтаре, откуда в

¹⁾ Среди других писем к Достоевскому, хранящихся в архиве Пушкинского Дома, имеется связка писем к Достоевскому некоей Марфы Браун (Паниной). Письма эти падают на конец 1864 и начало 1865 г. Большая часть их писана из Петропавловской больницы, где Браун в это время лежала. Кто такая Браун, мы так и не знаем. Наши надежды на архив Петропавловской больницы не оправдались, так как администрация больницы весь архив до 1900 г., как нам сообщили, сожгла.

Бордо и Париже, там уже не искатель приключений, но какой-то пустой искатель славы, француз, за известную плату и прямо из маскарада поехал вместе со мною в Бельгию, а оттуда в Голландию. Из первой страны нас удалили, из второй нас прямо выгнали, и я из военно-арестного дома Роттердама очутилась в Англии без средств, без знания языка. Жила два дня в полиции за попытку на самоубийство, потом две недели с лондонскими бродягами под мостами, водопроводами Темзы». Далее, она попадает в услужение к раздатчику и сообщнику делателей фальшивых монет; позже обращает на себя внимание методистских миссионеров, из которых один сочетал ее законным браком с матросом корабля, пришедшего из Балтимора.

В конце-концов, за два года до знакомства с Достоевским, Браун очутилась все-таки в России, и судьбе угодно было, чтобы она попала в среду литературной богемы, хотя она и сама, как то видно из одного ее письма, стремилась к сближению с людьми образованными, хотела заниматься умственным трудом. Она, повидимому, хорошо изучила английский язык (возможно и другие языки) и, во всяком случае, совсем литературно писала по-русски. Сначала Браун попадает к некоему К. Флеммингу¹⁾, служившему в какой-то редакции, человеку уже почтенному, имевшему двух взрослых сыновей. Но Флемминг не дал Браун не только спокойной, но и просто сытой жизни: с ним она «опустилась до нищенства».

От Флемминга Браун переходит к Петру Н. Горскому, сотруднику журналов Достоевского «Время» и «Эпоха». Вероятно Горский и ввел свою подругу в редакцию журнала «Эпоха» в 1864 году и позна-

¹⁾ Карл Флемминг — составитель «народных словарей новейших языков». Он, действительно, бедствовал: сидел в долговом отделении, а выпущенный оттуда, не имея приюта, ночевал из милости в арестантской.

комил с Достоевским, который и предложил ей заняться переводами для журнала. Эта работа для Браун была находкой, так как жизнь ее у Горского, страдавшего пристрастием к спиртным напиткам, была нераспространенной: «С Горским прежде у нас доходило до крайних пределов бродяжничества (не уступавшего иногда моим английским)» — писала Браун Достоевскому в одном из писем. Между прочим, Горский не прочь был поэксплуатировать, несмотря на всю свою бешеную ревность, и прошлое своей подруги: он настойчиво требовал, чтобы она описала свои «путешествия», а также хотел, чтобы она представила «императору» какой-то приготовленный им стих.

Сам Горский, видимо, дорожил своею связью с Браун. Когда она очутилась в Петропавловской больнице, он требовал, чтобы она продолжала лежать там, выдумав фиктивную болезнь: он боялся, что она, выйдя из больницы и не найдя у него, ничего, теплого угла, уйдет от него; мысль об этом его раздражала, и он устраивал в больнице, особенно под пьяную руку, скандалы, из боязни которых Браун вынуждена была ему подчиняться.

Вот к этому-то времени пребывания Браун в больнице и относится сближение с нею Достоевского, а равно ее письма к нему. Сам Достоевский в это время переживал тяжелые и трудные обстоятельства, 1864 й год был для него трудным годом: 16 апреля умерла Мария Дмитриевна, а 10 июня неожиданно скончался любимый брат, друг и соратник по журнальной работе — Михаил Михайлович. Вся тяжесть издания «Эпохи», только что родившейся с большим запозданием, удовлетворения подписчиков «Времени», забота о семье умершего брата, не дающий передышки ревнивый труд по редактированию журнала, на который была ухлопана причитающаяся часть будущего наследства, — все это тяжелым бременем свалилось на плечи Достоевского. Может быть, эти тяжелые обстоятельства задерганного и физически и морально писателя помешали

его дальнейшему сближению с тоже задержанной жизненными невзгодами небезытересной женщиной. Но пока что Браун постепенно вводит Достоевского в свою интимную жизнь, делится с ним своими планами, опасениями, жалуется ему на не дающего ей покоя Горского и т. д. Несомненно, в этом сближении у Достоевского главную роль играло его просто человеческое отношение к униженной и оскорбленной, которой он посылал деньги, помогал советами и даже посещал ее в больнице. Но можно думать, что тут было и другое чувство, заставлявшее Браун раскрывать пред Достоевским свою душу, писать ему такие откровенные и даже интимные письма, а самого Достоевского предлагать Браун переехать из больницы прямо к нему на квартиру. По крайней мере, печатаемое нами ниже последнее из писем Браун к Достоевскому дает некоторые основания к такому заключению. Вот это письмо.

[Вторая половина января 1865 г.]

«Милостивый Государь
Федор Михайлович!

Может быть я употребляю во зло Вашу снисходительность и пишу Вам слишком часто, но Вы уже оказали мне столько внимательного участия и уже настолько удостоили меня своего доверия, что я с своей стороны сочту неблагодарною низостью, не быть с вами вполне откровенною. Так как моя связь с Г. Горским больше условная, чем интимная, то цель моя состоит в том, чтобы из моих писем к нему Вы могли составить себе обо мне и о моих обстоятельствах хотя некоторое понятие. Во всяком случае, удастся ли мне или нет удовлетворить Вас в физическом отношении, и осуществится ли между нами та духовная гармония, от которой будет зависеть продолжение нашего знакомства, но поверьте мне, что я всегда останусь Вам благодарна за то, что Вы хотя на минуту, или на некоторое время, удостоили меня Вашей дружбы и Вашего расположения.

Клянусь Вам, что я еще почти ни с кем не решалась быть так откровенна, как осмелилась быть с Вами. Простите мне это эгонстическое увлечение, но на душе моей в течение этих каторжных двух лет, проведенных в России, накалилось столько горя, скуки и отчаяния, что, свидетель бог, я рада, я счастлива, что встретила человека, обладающего таким спокойствием духа, терпимостью, здравым смыслом и правдивостью, которых не было ни в Ф.л. ни в Г. Мне решительно все равно в настоящую минуту, долго ли, коротко ли продолжится Ваше отношение ко мне; но клянусь Вам, несравненно выше материальной пользы ценю то, что Вы не побрезгали падшею стороною моей личности, то, что Вы поставили меня выше того, чем я стою в своем собственном мнении. И так, осмеливаясь почтительно просить Вас переслать по прочтении Г. Горскому мои письма, имею честь, пожелав Вам

всякого благополучия быть,
Милостивейший Государь,
Вашею покорною слугою
Марфа Браун».

К сожалению, мы ничего не знаем, чем закончился этот роман Достоевского, как равно у нас нет ни одного из писем Достоевского Браун.

АННА ГРИГОРЬЕВНА СНИТКИНА.

Вечно нуждающийся в деньгах Достоевский, всегда бравший авансы под ненаписанные еще произведения, в 1866 году продал издание своих сочинений некоему Стелловскому, при чем к этому изданию он должен был написать к 1 ноября 1866 г. новое произведение, объемом не менее 10 печатных листов. Настал уже октябрь, а у Достоевского не было написано ни одной строчки. Между тем, согласно условию, он должен был, в случае невыполнения своего обязательства, нести большую неустойку и даже потерять право на издание своих собственных сочинений.

Достоевскому посоветовали взять стенографистку и роман не писать, а диктовать. Достоевский последовал совету и взял рекомендованную ему стенографистку — восемнадцатилетнюю Анну Григорьевну Сниткину, большую почитательницу его таланта. Работа быстро пошла вперед, и к 1 ноября новая повесть «Игрок» была готова и сдана издателю своевременно. В этой повести Достоевский говорит, как уже отмечено, о себе и о Полине Суловой.

Между тем за месяц работы Достоевский так сжился со своей юной стенографисткой, она настолько вошла в его жизнь, что уже в начале ноября он сделал ей предложение, а в феврале 1867 г. и обвенчался с нею.

Как ни тяжела была в первые годы жизнь Достоевских из-за материальных затруднений, зато в моральном отношении этот брак был счастливым. Анна Григорьевна была натурой простой, здоровой, энергичной и, действительно, любящей, любящей без всяких надрывов и экзальтированности. Ее любовь была лучшим лекарством для больной, изломанной души Достоевского. Достоевский оценил это сразу и платил Анне Григорьевне самой полнозвонной монетой лучших своих чувств. Как и Сулова, она стала для него «бесценным и вечным другом». Нет, кажется, таких ласковых, нежных слов, с которыми Достоевский не обращался бы в своих письмах к своему «милому ангелу». Между прочим, она взяла на себя ведение всех его финансовых и издательских дел и тем освободила его от подчас мелочных и неприятных забот, мешавших ему работать. Умелым ведением дела она добилась того, что все многочисленные долги Достоевского были погашены, и теперь Достоевский мог

спокойно работать над своим большим романом „Братья Карамазовы“. Не даром на смертном одре он так благодарил Анну Григорьевну за все, что она сделала для него, и сокрушался только о том, что оставляет ее в бедности.

В этой взаимной любви Анны Григорьевны и Достоевского уже не было изломанности, не было поединка, не было муки. Но только иногда ревнивая, больная душа Достоевского проявляла себя каким-нибудь диссонансом. Иногда проявится грубость страстной природы Достоевского, и он ищет утешения в том, что эта грубость не чужда и натуре Анны Григорьевны ¹⁾.

Но чаще такую дисгармонию вносили в их совместную жизнь приступы бешеной ревности Достоевского, о которых Анна Григорьевна говорит в своих «Воспоминаниях». По совершенно ничтожному поводу, а то и без всякого повода, Достоевский толкнет по столу так, что с него летят на пол стаканы, а сам он вылетает зрямо без пальто на улицу и бежит неизвестно куда, то так дернет за цепочку медальона, что на шею Анны Григорьевны выступает кровь, и он сам признается, что в гневе мог бы задушить ее. В семействе пасынка Достоевского, Исаева, сохранилось известие, будто бы в минуты гнева Достоевского в Анну Григорьевну летели ножи и вилки, и она падала пред иконами с мольбой избавить ее от этой муки. И все же Анна Григорьевна являлась для Достоевского тихой пристанью, в которой он нашел покой своему больному, мятежному сердцу и и отдых от муки и страданий своих прежних тяжелых и больших романов.

¹⁾ «Письма Ф. М. Достоевского к жене», стр. 262.

